

во-вторых, если бы даже я и решился сказать о происшедшем, язык мой не был бы в состоянии повествовать так, как надлежит; в-третьих, если бы даже отпали первые две причины, мне не приличествует говорить об этом, так как я стал бы превозносить самого себя, что особенно заслуживает порицания; поэтому я предоставляю эту тему другому комментатору. Так как число «девять» встречалось нередко в словах моих и раньше, уместно будет, как мне кажется, отметить, что в ее отбытии это число имело большое значение, и поэтому надлежит сказать и здесь то, что соответствует моему намерению. Поэтому прежде всего я скажу, какую роль число «девять», столь ей дружественное, играло в ее успении.

XXIX.

Я говорю, что, если считать по обычаю Аравии, ее благороднейшая душа вознеслась в первый час девятого дня месяца; а по счету, принятому в Сирии, она покинула нас в девятом месяце года, ибо первый месяц там Тизириин первый, называемый у нас октябрём; а по нашему исчислению, она ушла в том году нашего индикта, считая от Рождения Господня, когда совершенное число завершилось девять раз в том столетии, в котором суждено ей было пребывать на этом свете, она же принадлежала к роду христиан тринадцатого века. Причина, по которой число «девять» было особенно ей любезно, быть может, следующая: согласно с Птолемеем и христианской истиной девять – число движущихся небес, а, согласно с общим мнением астрологов, упомянутые небеса влияют на дольний мир в соответствии с их взаимной связью; отсюда следует, что число это было столь ей свойственно, ибо при ее зачатии все девять небес находились в совершеннейшей взаимной связи. Вот одна из причин; но, рассудив утонченнее и не отступив от непреложной истины, число это было ею самой; я говорю о сходстве по аналогии и так понимаю. Число «три» является корнем девяти, так как без помощи иного числа оно производит девять; ибо очевидно, что трижды три – девять. Таким образом, если три способно творить девять, а Творец чудес в Самом Себе – Троица, то есть Отец, Сын и Дух Святой – три в одном, то следует заключить, что эту даму сопровождало число «девять», дабы все уразумели, что она сама – девять, то есть чудо, и что корень этого чуда – единственно чудотворная Троица. Быть может, более утонченные в мыслях люди смогли бы прибегнуть к еще более сложным доводам, однако я привожу тот, который пришел мне на ум и который наиболее мне нравится.

XXX.

Когда она покинула этот век, весь упомянутый город предстал глазам как вдовица, лишенная всякого достоинства. Еще исходя слезами в опустошенном городе, я написал к земным владыкам о его состоянии, взяв следующее начало у Иеремии: «*Quomodo sedet sola civitas*». И я говорю это, чтобы не удивлялись, почему я привожу эту цитату в начале, как введение в новое содержание. И если кто-либо счел нужным укорять меня за то, что я не записываю здесь те слова, которые последовали за приведенными, в оправдание свое скажу, что с самого начала я решил писать только на языке народном, слова же письма, начало которого я привел, все латинские, и, воспроизводя их, я нарушил бы то, что предполагал сделать. Таково было мнение и первого моего друга, для которого я пишу, то есть чтобы я писал для него лишь на языке народном.

XXXI.

Глаза мои изо дня в день проливали слезы и так утомились, что не могли более облегчить мое горе. Тогда я подумал о том, что следовало бы ослабить силу моих страданий и сложить слова, исполненные печали. И я решился написать канцону, в которой, жалуясь, скажу о той, оплакивая которую я истерзал душу. И я начал канцону: «Сердечной скорби...» И чтобы канцона эта, когда она будет закончена, еще более уподобилась неутешной вдовице, я разделю ее прежде, чем запишу; так я буду поступать и впредь.